

УДК 9.93
ББК 63.3(2)6-283.2
© Уханова Ю.В.

РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ В 1930-е – 1960-е гг.

УХАНОВА ЮЛИЯ ВИКТОРОВНА

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» в г. Вологде
E-mail: ukhanova4@rambler.ru

В статье применяется новый подход к социальной истории советского села, в рамках которого специалисты сельского хозяйства трактуются как социальный класс интеллигентов аграрного производства. Анализируется проблема их взаимоотношений с другими категориями сельского населения северной деревни. Место интеллигентов в общественных отношениях во многом определялось их правовым статусом. До середины 1950-х гг., работая в рамках государственного уклада, интеллигенты аграрного производства выступали в колхозе в качестве представителей государственного учреждения (МТС или районного отдела) и по отношению к председателю колхоза занимали независимое положение. В основном интеллигенты жили вблизи городов и районных центров, в колхозах бывали наездами. В связи с этим сельское население воспринимало их отчужденными от деревенской жизни. С переводом интеллигентов непосредственно в колхозы в середине 1950-х гг. существенно менялось их социальное положение: они становились членами колхоза и, соответственно, подчинялись непосредственно председателям. Модернизация сельскохозяйственного производства во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. привела к возрастанию в производственных процессах роли интеллектуального фактора. Вследствие этого постепенно интеллигенты становились «надежными помощниками» для руководителей колхозно-совхозного производства. В течение всего периода, несмотря на неопределенное представление у сельского населения о роли и месте интеллигентов в производственном процессе, в деревне признавали высокое место последних в социальной иерархии, при этом их ставили в один ряд с деревенским начальством и сельской интеллигенцией.

Интеллигенты аграрного производства, общественные отношения, социальный класс.

В общественных науках вопрос о месте и роли социального слоя людей, занятых интеллектуальным трудом в аграрной сфере советского периода, остается дискуссионным. Однако исследователи едины в том, что в составе сельского социума выделялась группа работников, занятых в аграрном производстве, которых отличали высокий по сравнению с другими слоями сельскохозяйственного населения уровень образования, а также профессионализация труда. Большинство советских ученых применяли к специалистам сельского хозяйства определение «интеллигенция» [33], в современной российской социологии утверждается позиция, в рамках которой по отношению к специалистам используется определение «интеллектуалы» [26].

В настоящем исследовании реализуется новый подход к социальной структуре советского общества, разработанный и изложенный в трудах вологодских ученых М.А. Безнина и Т.М. Димони. В рамках этого подхода учитывается экономическое развитие СССР, его государственная капитализация, которая влекла за собой появление новых социальных классов, таких как протобуржуазия, менеджеры, интеллектуалы, рабочая аристократия, пролетариат [3]. К интеллектуалам следует отнести агрономов, зоотехников, ветеринаров, инженеров и других специалистов сельского хозяйства, тех, кто внедрял в колхозно-совхозное производство интеллектуальный капитал в виде знаний, опыта, квалификации.

В работе сделана попытка проследить изменение места интеллектуалов аграрного производства (далее интеллектуалов) в сельском социуме на Европейском Севере России в 1930-х – середине 1960-х гг. Для реализации данной цели поставлены задачи проанализировать взаимоотношения интеллектуалов с отдельными категориями населения северной дерев-

ни. Для проведения исследования привлечен широкий комплекс источников: делопроизводственная документация из фондов центральных и местных архивов, письма и воспоминания сельских жителей, материалы периодической печати, публицистическая и художественная литература.

По мнению В.П. Данилова, общественные отношения охватывают систему социальных связей между общественными группами (классами) во всех сферах жизни и деятельности общества, но, прежде всего, в производственных отношениях [16]. Производственная деятельность интеллектуалов и, соответственно, их место в общественных отношениях во многом определялись тем, как сложатся взаимоотношения с руководителями колхозов и совхозов. На особенности взаимоотношений интеллектуалов и председателей колхозов существенно влиял их правовой статус. Так, в 1930-е – середине 1950-х гг., работая в рамках государственного уклада, агрономы, зоотехники, инженеры и другие специалисты выступали в колхозе в качестве представителей государственного учреждения (МТС или районного отдела) и по отношению к председателю колхоза занимали независимое положение. В источниках этого периода описывались многочисленные ситуации, когда интеллектуалы «давали конкретные указания председателям по внедрению новейших агротехнических и зоотехнических мероприятий, контролировали их выполнение» [35], «указывали председателям на непорядки в производстве и помогали их исправлять» [18].

Кроме того, фиксировались случаи, когда по инициативе интеллектуалов председатели за нарушения в организации производственного процесса привлекались к ответственности. В частности, агроном районного земельного отдела Череповецкого района Вологодской об-

ласти П.А. Литвинов в 1944 году обнаружил нарушения агротехники в колхозе, после чего добился, чтобы председателю и бригадиру был объявлен выговор на собрании колхозников и было сообщено телефонограммой другим сельсоветам [29, с. 48]. Следовательно, агрономы, зоотехники и другие специалисты, обладая интеллектуальным ресурсом – сельскохозяйственными знаниями – должны были направлять деятельность председателей в производственном процессе. Это было особенно важно в обстановке, когда последние в основном не имели специального образования.

Однако то обстоятельство, что интеллектуалы, обслуживавшие аграрное производство, до середины 1950-х гг. обладали независимым от руководящих кадров колхозов правовым и экономическим статусом, приводило к тому, что порой специалисты вели себя свысока с председателями. Так, Д. Кузовлев, повествуя о жизни колхоза «Красное знамя» Шекснинского района Вологодской области в 1950-е гг., следующим образом характеризует положение специалиста государственной организации по отношению к руководящим кадрам колхоза: «Ветеринара Лебедева я хорошо знал. Это был опытный специалист. Когда-то он работал зоотехником, ставил опыты в племенной работе, имел успех. Потом перешел на ветеринарный участок, правлению не стал подчиняться. И отбил, что называется, от рук» [23, с. 99].

Работа интеллектуалов, сосредоточенных в государственном секторе, вызывала много претензий у председателей колхозов, о чем они единодушно высказывались на собраниях различного уровня. Так, на собраниях партийного актива колхозов Архангельской области в 1952 году была подвергнута резкой критике работа сельскохозяйственных специалистов МТС и райзо со стороны председателей колхозов: «Специалисты мало оказывают по-

мощи правлению колхозов в проведении мероприятий по поднятию урожайности полей и продуктивности общественного производства, причем мы на них никак не можем воздействовать» [11, л. 95-96]. Об этом же свидетельствуют письма председателей в редакции газет. В частности, в своем письме в газету «Красное знамя» в 1955 году председатель колхоза имени 17 партсъезда Вологодской области следующим образом высказывался о работе зоотехника МТС: «Специалисты злоупотребляют своим положением. Однажды зоотехник звонит из Вологды и предлагает мне выслать в МТС форму № 24 вместо того, чтобы самому посетить колхоз» [19]. Следовательно, многие председатели колхозов критиковали деятельность интеллектуалов в связи с тем, что последние сосредоточивались в государственных организациях и были отдалены от колхозного производства.

Однако в 1930-е – начале 1950-х гг. зачастую наблюдались ситуации, когда сами председатели колхозов не создавали условий для осуществления должностных обязанностей интеллектуалов, препятствовали их работе. Это объяснялось рядом причин. Ввиду недостаточно высокого уровня культуры колхозного производства, в котором еще мало учитывался интеллектуальный капитал в факторах производства, ряд председателей относились скептически или вовсе игнорировали рекомендации интеллектуалов. К тому же на отношение к работе интеллектуалов влиял состав этих кадров: среди них была высокая доля молодых работников без практического стажа работы, преимущественно женского пола. Молодая девушка, агроном МТС Е.Ф. Панасенко в 1940 году писала по этому поводу в редакцию газеты «Социалистическое земледелие»: «В колхозе я могу вести работу только через председателей, а я для них советник, советы ко-

торого никто не слушает. Председатели или убегают от меня, или кричат во все горло «нечего тут ездить», или отворачиваются спиной. Это общее положение – агронома не любят в колхозе, а тут еще и женщина» [31, л. 11-12].

С переводом интеллектуалов непосредственно в колхозы в середине 1950-х гг. существенно менялось их социальное положение. Становясь членами колхоза, агрономы, зоотехники и т. д. были обязаны выполнять распоряжения председателя в соответствии с уставом колхоза, одновременно подчиняясь по агрикультурным вопросам главным специалистам МТС. В то же время в отчетной документации Министерства сельского хозяйства за 1957 год отмечалось, что в связи с материальной зависимостью от колхозного правления специалисты не отстаивают принципиальные вопросы в интересах государства, а все решают односторонне, с точки зрения выгоды колхоза [32, л. 1-2].

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в делопроизводственной документации партийных и советских сельскохозяйственных органов много внимания уделялось тому, что производственные отношения председателей и специалистов сельского хозяйства, переведенных в колхозы, не контролировались. На практике это приводило к тому, что нередко отношение к специалистам складывалось стихийно, в зависимости от личных контактов с председателями колхозов, причем зачастую не в пользу специалистов [37, с. 297]. Так, в результате проверки работы специалистов в колхозах Вологодской области, проведенной райисполкомами в 1961 году, были зафиксированы многочисленные случаи, когда отдельные председатели использовали интеллектуальный ресурс не по специальности, а для выполнения своих текущих поручений [14, л. 7]. Кроме того, при анализе материального положения

интеллектуалов было установлено, что в большинстве колхозов области оплата труда специалистов была установлена ниже рекомендованной нормы, что во многом определялось тем, как сложатся их отношения с колхозным руководством. В свою очередь, самих колхозных интеллектуалов зачастую морально угнетало то обстоятельство, что ими руководят и дают указания неквалифицированные люди [17, с. 109]. Таким образом, после перевода непосредственно в колхозы у интеллектуалов складывались непростые отношения с колхозным руководством.

Модернизация сельскохозяйственного производства во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. приводила к возрастанию в производственных процессах роли интеллектуального фактора. Поэтому постепенно интеллектуалы становились «важной опорой», «надежными помощниками» для председателей колхозов, что было выявлено из личных бесед автора с бывшими руководителями хозяйств. В частности, П.Ф. Коркин, возглавлявший колхоз «Встреча» Шекснинского района Вологодской области с 1962 по 1978 год, отметил, что работа председателя в эти годы могла быть эффективна только в команде с грамотными специалистами [8].

Рассмотрим, как складывались взаимоотношения специалистов совхозов с руководителями этих хозяйств. Определенное представление по этому вопросу дают воспоминания самих совхозных специалистов. Так, Н.В. Ячменева, работавшая агрономом в совхозе «Майский» Вологодского района с 1966 по 1970 год, в беседе с автором рассказала: «Приехала на работу в совхоз после окончания института. Мне тогда было 25 лет, опыта работы не было, знаний не хватало. Директор совхоза Н. Барышников встретил хорошо: помог устроиться, со всеми познакомил. В дальнейшем также поддерживал» [6]. Н.Л. Смирнова, работавшая зоотехником

в том же совхозе с 1963 по 1983 год, охарактеризовала отношение к специалистам со стороны директора: «Начальство ценило кадры специалистов, так как на ферме не хватало квалифицированных работников. Когда мне предложили работать в библиотеке, директор долго уговаривал, чтобы я не уходила, осталась, о чем ни разу не пожалела» [7]. Итак, в условиях более высоких темпов модернизации совхозного уклада в конце 1950-х – середине 1960-х гг. по сравнению с колхозами в совхозах интеллектуальный капитал играл большую роль. Это отразилось на взаимоотношениях директоров совхозов и аграрных интеллектуалов.

Сближение сельскохозяйственных интеллектуалов и руководителей колхозно-совхозного производства во второй половине 1950-х – середине 1960-х гг. наблюдалось и в связи с освоением интеллектуального ресурса последними. Так, в 1962 году на должность председателя колхоза «Рассвет» Кич-Городецкого производственного управления Вологодской области был выдвинут т. Шадрин с высшим агрономическим образованием, который в своей работе стал опираться, главным образом, на помощь со стороны специалистов сельского хозяйства, работавших в этом колхозе» [12, л. 18]. В совхозном укладе аналогичные тенденции проявились в большей мере в связи с тем, что в эти годы среди директоров совхозов доля специалистов с высшим и средним образованием была существенно выше, чем среди председателей колхозов.

Обратимся к рассмотрению проблемы взаимоотношения сельскохозяйственных интеллектуалов с другими слоями сельского социума в 1930-х – середине 1960-х гг. Отношение деревенского населения к интеллектуалам аграрного производства во многом определялось особенностью социального статуса последних: в 1930 – 1950-е гг. специалисты

сосредоточивались в рамках государственного уклада, многие из них жили вблизи городов и районных центров, в колхозах бывали наездами. В связи с этим сельское население воспринимало их отчужденными от деревенской жизни. Кроме того, на отдаленность специалистов от селян влияло то обстоятельство, что в основном агрономы, зоотехники, ветеринарные работники и другие специалисты не были уроженцами той местности, в которой работали. Это можно объяснить тем, что длительное время существовала практика перебросок интеллектуальных кадров из одной области в другую. В отчете кадровой службы областного управления сельского хозяйства Вологодской области за 1951 год отмечалось, что Министерство сельского хозяйства СССР направляет в область в основном специалистов из южных и центральных областей (Харьковского, Полтавского, Чкаловского, Горьковского, Казанского сельскохозяйственных институтов), а молодых специалистов после окончания Молочного института, где учатся в основном вологжане, – в другие области. В результате этого некоторые специалисты «с трудом находят общий язык с местными жителями, мало оседают и стремятся выехать на родину» [13, л. 10].

Местным специалистам было проще найти свое место в сельском социуме, о чем свидетельствуют следующие факты. Так, в романе Г. Николаевой «Жатва» описывается такая ситуация. Агроном Валентина получила направление в тот район, откуда приехала. Ее муж Андрей, секретарь райкома по этому поводу говорил: «Ты родилась и выросла в тех местах, поэтому найдешь поддержку среди колхозников» [25, с. 87]. Действительно, в колхозе Валентина пользовалась большим доверием и авторитетом у колхозников: «Стоило ей показаться на улице,

как кто-то замечал ее из окна и у кого-то оказывалась к ней срочная надобность. То школьники бежали к ней, то Матвеевич (бригадир) шел посоветоваться, то Ксюша (колхозница) пожаловаться» [25, с. 123]. В материалах периодической печати также отмечалось, что местные специалисты больше, чем приезжие, пользовались поддержкой со стороны сельского населения. В газете «Вологодский комсомолец» за 1964 год размещена заметка о зоотехнике Л. Кузнецовой колхоза «Шексна» Шекснинского района Вологодской области: «Людмила поступила учиться в сельскохозяйственный техникум, после окончания которого приехала в родной колхоз работать зоотехником. Скотницы радушно встретили свою подругу и старались во всем ей помогать» [3].

Определенный интерес представляет проблема отношения деревенских жителей к производственной деятельности интеллектуалов. Так, в колхозе «Знамя» Чагодощенского района Вологодской области в начале 1940-х гг. приступила к работе агроном Фаина Красик, которая «благодаря своим знаниям, упорной работе стала желанным советчиком во всех бригадах, к ней обращались за помощью звеньевые, бригадиры, колхозники. Советы агронома проверялись на практике: с помощью специалиста колхозники навели порядок с землепользованием, стали старательно удобрять почву, заделывать семена» [22]. В газете «Правда Севера» за 1954 год размещена статья под названием «Со знанием дела», в которой отмечалось, что «многие специалисты сельского хозяйства в области нашли свое место в колхозах. Например, молодой зоотехник колхоза «Колос» Вельского района Архангельской области М. Архипова правильно организовала кормление скота, систематически проводила зоотехническую учебу с колхозниками, изучала опыт передовых доярок, с ее помощью были

выполнены планы. Про нее говорят в колхозе: «И словом, и делом помогла, побольше бы таких специалистов» [28]. Из приведенных фактов следует, что, когда интеллектуалы применяли свои знания на практике и способствовали повышению уровня аграрного производства, они пользовались уважением и авторитетом среди селян.

В 1930 – 1950-е гг. на страницах центральных и местных газет, в отчетной документации партийных и советских органов Архангельской и Вологодской областей, в народном фольклоре и т. д. много внимания уделялось тому, что основная часть колхозников воспринимала сельскохозяйственных специалистов не как непосредственных участников производственного процесса, а как кабинетных работников. Об этом с иронией пелось в частушках:

*Наш колхозный агроном
Не бывает в поле.
Целый день сидит в конторе
И глаза мозолит [21].*

Особенно трудно было найти свое место в производстве и сельском социуме молодым специалистам. Так, в справке «О специалистах Ленского района» Архангельского обкома ВКП(б) за 1951 год сообщалось: «Специалисты животноводства мало пользуются авторитетом среди колхозников, так как результаты их деятельности незначительны. Доярка А.А. Соколова высказалась о том, что самих зоотехников еще нужно всему научить, так как они не имеют опыта практической работы» [9, л. 11]. Подобное отношение колхозников к профессиональной деятельности молодых специалистов прослеживается и в частушках начала 1950-х гг.:

*Есть такие агрономы:
Получили лишь дипломы.
Они знакомы с овощами,
Лишь когда сидят за щами [37, с. 187].*

Следовательно, зачастую сельские скептически относились к работе молодых специалистов, которые, хотя и обладали сельскохозяйственными знаниями, полученными в учебных заведениях, но, как правило, не имели опыта работы в аграрном производстве.

Равнодушное отношение деревенских жителей к деятельности молодых специалистов нашло свое отражение в публицистической литературе. Д. Кузовлев в «Записках тридцатитысячника» следующим образом описывает отношение жителей колхоза Череповецкого района Вологодской области к деятельности молодого агронома в середине 1950-х гг.: «В колхозе до Маши Земцовой не было агронома. Может, поэтому люди сперва к ней относились равнодушно, всерьез, кажется, не приняли, а бригады, так те определенно заявили, что агроном в их деле только помеха. Колхозники и подавно судачили так и сяк, большей частью уповая на то, что «был бы дождь да гром, не нужен и агроном» [23, с. 24-25]. Таким образом, специалистам было не просто найти свое место в аграрном производстве и, соответственно, в колхозном социуме, что во многом объяснялось ограниченностью материально-технических факторов для быстрого внедрения интеллектуального капитала в колхозный уклад. Естественно, при нехватке техники, удобрений, производственных построек и прочего снижалась роль интеллектуальных кадров в аграрном производстве. Это отражалось на отношении к ним со стороны колхозников.

По мнению исследователей, сельскохозяйственные специалисты занимали высокое социальное положение в сельском социуме. М.А. Безнин и Т.М. Димони пришли к выводу, что у сельчан являлось устойчивым представлением о сельскохозяйственных интеллектуалах как относящихся к социальной группе «началь-

ство» [2, с. 114]. М.Н. Глумная, исследуя колхозный социум 1930-х гг., отнесла специалистов, получивших профессиональную подготовку, в состав «колхозной верхушки» [15, с. 265-285]. Авторы работы «Многоукладная аграрная экономика и российская деревня» указывали на то, что в хозяйственной элите села появилась новая группа – специалисты, при этом их роль среди элитарных слоев была неоднозначной и зависела от должности, личностных качеств и поддержки извне [24, с. 36].

О том, что специалисты занимали высокий социальный статус в сельском обществе, свидетельствуют воспоминания сельчан. Так, Г.М. Балашова, занимавшая должность бригадира-растениевода в совхозе «Майский» Вологодского района с 1964 года, говорила по этому поводу: «Главный агроном А.П. Киселев был для нас большим человеком. Всегда держался рядом с директором: в поле приезжали вместе на машине. Агроном Н.В. Ячменева была с нами проще, но мы все равно ее побаивались, так как много времени проводила в конторе, где все начальство. Мало ли, что скажет» [5]. Особое положение сельскохозяйственных интеллектуалов в деревне отмечалось в повести В. Распутина «Деньги для Марии». Мария, работавшая продавцом в колхозе в середине 1950-х гг., рассуждала о том, что ей нравилось чувствовать себя человеком, без которого деревня не может обойтись. По мнению Марии, «таких людей было немного: председатель сельсовета, председатель колхоза, врач, учителя и специалисты. И вот она. И то, если агроном куда-нибудь на месяц уедет, можно и не заметить» [30, с. 34]. Следовательно, несмотря на неопределенное представление у сельского населения о роли и месте интеллектуалов в производственном процессе, в деревне признавали высокое место последних в социальной иерархии,

при этом их ставили в один ряд с деревенским начальством и сельской интеллигенцией.

Проанализируем, как складывались социальные взаимосвязи интеллектуалов аграрного производства с представителями несельскохозяйственной интеллигенции: с учителями, врачами, работниками культурных учреждений и т. д. На протяжении всего периода на страницах периодической печати отмечалось, что специалисты сельского хозяйства, сельские учителя, медики и т. д. представляют единый отряд сельской интеллигенции. Так, в областной газете Архангельской области «Правда Севера» за 1939 год говорилось: «В Приозерье трудится большой отряд сельской интеллигенции: специалисты сельского хозяйства, учителя и работники учреждений культуры, медицинские работники, руководящие кадры партии и советского аппарата сельской местности, которые выступают активной силой духовной жизни деревни» [27]. Отметим, что в 1930-х – середине 1960-х гг. статей подобного содержания в газетах разного уровня публиковалось большое количество. Следовательно, в советском обществе признавалось, что между этими группами было много общего – и тех, и других среди деревенских жителей выделял более высокий образовательный и культурный уровень, и перед ними стояла единая задача – способствовать росту культурно-технического уровня крестьянства.

В делопроизводственной документации партийных органов Архангельской и Вологодской областей в 1930-х – середине 1960-х гг. встречаются факты, характеризующие взаимоотношения аграрных интеллектуалов и представителей несельскохозяйственной интеллигенции. Так, на областном совещании по вопросам развития сельского хозяйства, проходившем в Вологодской области в 1939

году, инженерно-технические работники, агрономы, зоотехники, а также сельские учителя и медицинские работники взяли на себя обязательства привести в культурный вид сельские столовые и детские учреждения [4, л. 14]. В протоколе собрания райкома ВКП(б) Плесецкого района Архангельской области в 1948 году ярко описывается ситуация, когда учителя и работники сферы культуры поддержали агронома в организации научно-просветительских лекций среди колхозников [10, л. 45-46]. Из этих фактов следует, что аграрные интеллектуалы и сельские учителя, медики, работники сферы культуры сотрудничали и поддерживали друг друга. Наличие тесных контактов специалистов с другими слоями сельской интеллигенции отразилось в деревенском фольклоре в 1960-е гг.:

У механика в дому

Была конференция.

Ему невесту выбирала

Вся интеллигенция [37, с. 155].

Однако здесь можно согласиться с мнением авторов работы «Многоукладная аграрная экономика и российская деревня» о том, что специалисты (агрономы, зоотехники, ветврачи, бухгалтеры, а позднее экономисты и инженеры), хотя и вливались в культурную элиту села, но не сливались с ней, так как в отличие, например, от врачей и учителей они могли распоряжаться материальными ресурсами [24, с. 36-37].

Высокое социальное положение интеллектуалов в сельском социуме характеризовалось тем, что они воспринимались в деревне как некий идеал, к которому нужно стремиться. Показательно в этом плане письмо ученика Прилуцкой школы Вологодского района, размещенное в газете «Красное знамя» за 1955 год: «Родители мои – колхозники, я ученик 6 класса. Летом во время каникул я тоже работаю в колхозе. В будущем я мечтаю

быть агрономом и, вернувшись в свой колхоз, применять современную науку, опыт лучших полеводов, добиваться богатых урожаев» [20].

Интеллектуалы рассматривались деревенскими жителями как престижные партнеры для выстраивания семейных отношений, что отражалось в народном фольклоре в середине 1960-х гг.:

*Разбуди меня, мамаша,
Как займетесь зорюшка.
Едет, едет агроном
По колхозным полюшкам.
И на юбке кружева,
И на кофте кружева.
Эх, подружки, скоро буду
Агронома жена [34, с. 24-25].*

Таким образом, в 1930-х – середине 1960-х гг. на Европейском Севере России происходило изменение места интеллектуалов аграрного производства в общественных

отношениях. Было выявлено, что в условиях модернизации аграрной подсистемы интеллектуалы постепенно становились незаменимыми помощниками руководителей колхозов и совхозов в осуществлении экономической деятельности хозяйств. Вследствие особенностей правового и социального статуса интеллектуалов менялось отношение к ним со стороны сельского социума. Был получен вывод о том, что, особенно до середины 1950-х гг., сельское население относилось к ним как к людям, отчужденным от деревенской жизни. Однако по мере приближения интеллектуалов к аграрному производству сельское население привыкало к их присутствию в деревне. Проведенный анализ показал, что интеллектуалы занимали высокое социальное положение в сельском социуме: их ставили в один ряд с деревенским начальством и культурной элитой села.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безнин, М. А. Интеллектуалы в сельском хозяйстве России 1930 – 1980-х гг. (новый подход к социальной истории деревни) [Текст] / М. А. Безнин, Т. М. Димони. – Вологда : Легия, 2010. – 124 с.
2. Безнин, М. А. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930 – 1980-х гг. [Текст] / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Социологические исследования. – 2011. – № 11. – С. 91–102.
3. Вологодский комсомолец [Текст]. – 1964. – 5 апреля.
4. Вологодский областной архив новейшей политической истории (далее ВОАНПИ). – Ф. 2522. – Оп. 2. – Д. 164.
5. Воспоминания Г.М. Балашовой [Текст] // Личный архив Ю.В. Ухановой.
6. Воспоминания Н.В. Ячменевой [Текст] // Личный архив Ю.В. Ухановой.
7. Воспоминания Н.Л. Смирновой [Текст] // Личный архив Ю.В. Ухановой.
8. Воспоминания П.Ф. Коркина [Текст] // Личный архив Ю.В. Ухановой.
9. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (далее ГААО. ОДСПИ). – Ф. 296. – Оп. 2. – Д. 1282.
10. ГААО. ОДСПИ. – Ф. 296. – Оп. 2. – Д. 380.
11. ГААО. ОДСПИ. – Ф. 296. – Оп. 2. – Д. 1444.
12. Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО). – Ф. 1705. – Оп. 24. – Д. 365.
13. ГАВО. – Ф. 1705. – Оп. 9. – Д. 777.
14. ГАВО. – Ф. 1705. – Оп. 22. – Д. 385.
15. Глумная, М. К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России) [Текст] / М. Глумная // XX век и сельская Россия. – Токио, 2005. – С. 265–285.
16. Данилов, В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения [Текст] / В. П. Данилов. – М. : Наука, 1979. – 357 с.
17. Изюмова, Л. В. Стратификация колхозной деревни в 1930 – 1960-е гг. (по материалам Европейского Севера России) [Текст] / Л. В. Изюмова. – Вологда : ВГПУ, 2010. – 176 с.

18. Красное знамя [Текст]. – 1940. – 26 февраля.
19. Красное знамя [Текст]. – 1955. – 20 февраля.
20. Красное знамя [Текст]. – 1955. – 30 января.
21. Красное знамя [Текст]. – 1957. – 7 мая.
22. Красный Север [Текст]. – 1944. – 27 мая.
23. Кузовлев, Д. М. До конца жизни: записки тридцатитысячника [Текст] / Д. М. Кузовлев. – М. : Современник, 1987. – 205 с.
24. Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия) [Текст] / под ред. Е. С. Строева. – М. : Колос, 2001. – 401 с.
25. Николаева, Г. Жатва [Текст] / Г. Николаева. – М. : ГИХЛ, 1952. – 495 с.
26. «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное [Текст] : материалы XII Международной теоретико-методологической конференции / под ред. Ж. Тошенко. – М. : РГГУ, 2012. – 479 с.
27. Правда Севера [Текст]. – 1939. – 17 сентября.
28. Правда Севера [Текст]. – 1954. – 4 апреля.
29. Работа передовых агрономов [Текст] / сост. П. А. Забазный, А. Ф. Шаров. – М. : Сельхозгиз, 1945. – 70 с.
30. Распутин, В. Деньги для Марии [Текст] / В. Распутин // Живи и помни. – М. : Аст, 2004. – 494 с.
31. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). – Ф. 7486. – Оп. 19. – Д. 333.
32. РГАЭ. – Ф. 7486. – Оп. 18. – Д. 1420.
33. Руткевич, М. Н. О социальной структуре советского общества [Текст] / М. Н. Руткевич // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 19–28.
34. Северные частушки [Текст]. – Архангельск : Русь, 1966. – 177 с.
35. Социалистическое земледелие [Текст]. – 1939. – 17 мая.
36. Тюрина, А. П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства 1946 – 1958 гг. [Текст] / А. П. Тюрина. – М. : Наука, 1973. – 308 с.
37. Частушки Вологодской области [Текст]. – Вологда, 1952. – 59 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Уханова Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» в г. Вологде. Россия, 160000, г. Вологда, ул. Клубова, д. 56. E-mail: ukhanova4@rambler.ru. Тел.: (8172) 21-85-47.

Ukhanova Y.V.

ROLE OF AGRARIAN PRODUCTION INTELLECTUALS IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA IN THE 1930s–1960s

The article applies a new approach to the social history of the Soviet village; in the framework of this approach agricultural specialists are treated as the social class of agrarian production intellectuals. The author analyzes their relationship with other categories of rural population in northern villages. The place of intellectuals in public relations was largely determined by their legal status. Until the mid-1950s, working within the state structure, agrarian production intellectuals performed the role of representatives of state institutions (machine and tractor stations or local departments) and they were not subordinate to the chairman of a collective farm. Intellectuals lived mostly near cities and district centers, and they visited collective farms not very often. Due to this fact, rural residents considered them to be alienated from village life. When intellectuals were

transferred directly to collective farms in the mid-1950s, their social status changed significantly: they became members of the collective farm and, accordingly, they were subordinate directly to chairpersons. Modernization of agricultural production in the second half of the 1950s – early 1960s led to an increase of the role of intellectual factor in production processes. As a consequence, intellectuals gradually became “trusted helpers” for managers of collective farm and state farm production. During the whole period, despite the fact that rural population was uncertain about the role and place of intellectuals in the production process, the latter were highly regarded in the social hierarchy; they were ranked together with village authorities and rural intelligentsia.

Agrarian production intellectuals, public relations, social class.

REFERENCES

1. Beznin M. A., Dimoni T. M. *Intellektualy v sel'skom khozyaistve Rossii 1930 – 1980-kh gg. (novyi podkhod k sotsial'noi istorii derevni)* [Intellectuals in Russia's Agriculture in the 1930s – 1980s (a New Approach to the Social History of the Village)]. Vologda: Legiya, 2010. 124 p.
2. Beznin M. A., Dimoni T. M. *Sotsial'nye klassy v rossiiskoi kolkhozno-sovkhozhnoy derevne 1930 – 1980-kh gg. [Social Classes in the Russian Kolkhoz-Sovkhoz Village in the 1930s – 1980s]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 2011, no. 11, pp. 91–102.
3. *Vologodskii komsomolets* [Vologda Komsomol Member], 1964, April 5.
4. *Vologodskii oblastnoi arkhiv noveishei politicheskoi istorii* [Vologda Oblast Archive of Contemporary Political History], fond 2522, opis' 2, no. 164.
5. *Vospominaniya G.M. Balashovoi* [Recollections of G.M. Balashova]. *Lichnyi arkhiv Yu.V. Ukhanovoi* [Personal Archive of Yu.V. Ukhanova].
6. *Vospominaniya N.V. Yachmenevoi* [Recollections of N.V. Yachmeneva]. *Lichnyi arkhiv Yu.V. Ukhanovoi* [Personal Archive of Yu.V. Ukhanova].
7. *Vospominaniya N.L. Smirnovoi* [Recollections of N.L. Smirnova]. *Lichnyi arkhiv Yu.V. Ukhanovoi* [Personal Archive of Yu.V. Ukhanova].
8. *Vospominaniya P.F. Korkina* [Recollections of P.F. Korkin]. *Lichnyi arkhiv Yu.V. Ukhanovoi* [Personal Archive of Yu.V. Ukhanova].
9. *Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti. Otdel dokumentov sotsial'no-politicheskoi istorii* [Arkhangelsk Oblast State Archive. Department of Socio-Political History], fond 296, opis' 2, no. 1282.
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti. Otdel dokumentov sotsial'no-politicheskoi istorii* [Arkhangelsk Oblast State Archive. Section of Documents on Socio-Political History], fond 296, opis' 2, no. 380.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Arkhangel'skoi oblasti. Otdel dokumentov sotsial'no-politicheskoi istorii* [Arkhangelsk Oblast State Archive. Section of Documents on Socio-Political History], fond 296, opis' 2, no. 1444.
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti* [Vologda Oblast State Archive], fond 1705, opis' 24, no. 365.
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti* [Vologda Oblast State Archive], fond 1705, opis' 9, no. 777.
14. *Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti* [Vologda Oblast State Archive], fond 1705, opis' 22, no. 385.
15. Glumnaya M. *K kharakteristike kolkhoznoy sotsiuma 1930-kh gg. (na materialakh kolkhozov Evropeiskogo Severa Rossii)* [About the Characterization of the Collective Farm Society of the 1930s (on the Materials of Collective Farms in the European North of Russia)]. *XX vek i sel'skaya Rossiya* [21 Century and Rural Russia]. Tokyo, 2005. Pp. 265–285.
16. Danilov V. P. *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: sotsial'naya struktura, sotsial'nye otnosheniya* [Soviet Village before the Establishment of Collective Farms: Social Structure, Social Relations]. Moscow: Nauka, 1979. 357 p.
17. Izyumova L. V. *Stratifikatsiya kolkhozhnoy derevni v 1930 – 1960-e gg. (po materialam Evropeiskogo Severa Rossii)* [Stratification of the Collective Farming Village in the 1930s – 1960s (on the Materials of the European North of Russia)]. Vologda : VGPU, 2010. 176 p.
18. *Krasnoe znamya* [Red Banner], 1940, February 26.
19. *Krasnoe znamya* [Red Banner], 1955, February 20.
20. *Krasnoe znamya* [Red Banner], 1955, January 30.
21. *Krasnoe znamya* [Red Banner], 1957, May 7.

22. *Krasnyi Sever* [Red North], 1944, May 27.
23. Kuzovlev D. M. *Do kontsa zhizni: zapiski tridsatititsyachnika* [Until the End of Life: Notes of a Thirty Thousander]. Moscow: Sovremennik, 1987. 205 p.
24. *Mnogoukladnaya agrarnaya ekonomika i rossiiskaya derevnya (seredina 80-kh – 90-e gody XX stoletiya)* [The Mixed Agrarian Economy and the Russian Village (mid 1980s and 1990s)]. Ed. by E.S. Stroev. Moscow: Kolos, 2001. 401 p.
25. Nikolaeva G. *Zhatva* [Harvest]. Moscow: GIKhL, 1952. 495 p.
26. “Novaya” i “staraya” intelligentsiya: obshchee i osobennoe: materialy XII Mezhdunarodnoi teoretiko-metodologicheskoi konferentsii [“New” and “Old” Intelligentsia: General and Special Features: Proceedings of the 12 International Theoretical-and-Methodological Conference]. Ed. by Zh. Toshenko. Moscow: RGGU, 2012. 479 p.
27. *Pravda Severa* [Truth of the North], 1939, September 17.
28. *Pravda Severa* [Truth of the North], 1954, April 4.
29. *Rabota peredovykh agronomov* [The Work of the Leading Agriculturists]. Compiled by P. A. Zabaznyi, A. F. Sharov. Moscow: Sel'khozgiz, 1945. 70 p.
30. Rasputin V. Den'gi dlya Marii [Money for Mariya]. *Zhivi i pomni* [Live and Remember]. Moscow: Ast, 2004. 494 p.
31. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics], fond 7486, opis' 19, no. 333.
32. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics], fond 7486, opis' 18, no. 1420.
33. Rutkevich M. N. O sotsial'noi strukture sovetskogo obshchestva [About the Social Structure of the Soviet Society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 1999, no. 4, pp. 19–28.
34. *Severnye chastushki* [Northern Folk Rhymes]. Arkhangelsk: Rus', 1966. 177 p.
35. *Sotsialisticheskoe zemledelie* [Socialist Agriculture], 1939, May 17.
36. Tyurina A. P. *Formirovanie kadrov spetsialistov i organizatorov kolkhoznogo proizvodstva 1946 – 1958 gg.* [Formation of Specialists and Managers of Collective Farm Production in 1946–1958] Moscow: Nauka, 1973. 308 p.
37. *Chastushki Vologodskoi oblasti* [Vologda Oblast Folk Rhymes]. Vologda, 1952. 59 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ukhanova Yuliya Viktorovna – Ph.D in History, Head of the Department for General Humanitarian and Socio-Economic Disciplines. The Vologda Branch of the Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education “St. Petersburg State University of Economics”. 56, Klubov Street, Vologda, 160000, Russia. E-mail: ukhanova4@rambler.ru. Phone: +7(8172) 21-85-47.